

Бруно Коппитерс

ОТТЕНКИ СЕРОГО. НАМЕРЕНИЯ, МОТИВЫ
И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ
КОНФЛИКТЕ

Введение

Морально-этические размышления о грузино-абхазском конфликте могут фокусироваться на пяти различных темах. Во-первых, на легитимации организованного насилия и других силовых средств, применяемых обеими сторонами для укрепления своей политической позиции в конфликте. Главным предметом раздумий о правовом регулировании насилия должно явиться фактическое применение военной силы в ходе вооруженного конфликта 1992—1993 гг. Неспособность абхазского правительства покончить с последствиями этнической чистки и введение грузинским и российским правительствами экономического эмбарго против Абхазии также входит в круг моральных размышлений об использовании силы в политическом конфликте. Экономическая блокада, направленная на то, чтобы сломить волю гражданского населения и вынудить его политических представителей к компромиссу или капитуляции является традиционным орудием войны. Предметом рефлексии может также являться попытка правительства Грузии подстегнуть российские войска применить все находящиеся в их распоряжении средства для выполнения решений СНГ или же побудить международную общественность ввести в действие своего рода «боснийскую модель». Эскалация вооруженных конфликтов в Галском (Гальском) районе с начала 1998 г. с полной ясностью указывает на то, что прекращение огня и принцип мирных переговоров, принятые обеими сторонами в 1993 г., не исключали применения силы в конфликте. Временные рамки размышлений о политическом использовании насилия должны будут охватывать весь постсоветский период.

Во-вторых, свержение демократически избранного президента Звиада Гамсахурдиа в 1991—1992 гг. политической оппозицией и бывшими сторонниками президента из полувоенных формирований может быть истолковано в рамках философской традиции, констатировавшей право на свержение правительств, которые приходят к власти законным путем, но правят с вопиющей несправедливостью¹. Эта оппозиция между демократически избранным

---

¹ Второй вид несправедливого правительства, которое может быть с полным основанием свергнуто, — это такое, которое захватило власть незаконно, но не было впоследствии узаконено

президентом, утратившим народную легитимность из-за своей авторитарной и сумасбродной политики, с одной стороны, и «неизбранным автократом»¹, обещавшим восстановить порядок и демократию, с другой, имел решающее значение для исхода войны. Сначала Шеварднадзе мог рассчитывать только на полувоенные формирования Китовани и Иоселиани в деле отпора войскам свергнутого президента Гамсахурдиа. «Межэтнический» грузино-абхазский конфликт тесно переплетается с этим «внутриэтническим» грузино-грузинским конфликтом. Решение направить грузинские полувоенные формирования для занятия основных транспортных коммуникаций в Абхазии подавалось как намерение пресечь «террористические» вылазки сил Гамсахурдиа и добиться освобождения заместителя премьера Александра Кавсадзе и других грузинских правительственных чиновников, похищенных этими силами¹. Еще одной целью этого шага являлось восстановление власти Грузии над территорией Абхазии с помощью грузинских войск. Далеко не ясно, какие дискуссии велись в Президиуме Госсовета, состоявшем из Шеварднадзе и его военачальников, по поводу соотношения между этими двумя целями. Идут также споры относительно того, испытывал ли Шеварднадзе сомнения в том, сумеют ли его войска подавить стремление абхазов к отделению. Обычно полагают, что он не мог выступить против своих полувоенных союзников, не рискуя либо подать в отставку, либо быть свергнутым, что влекло за собой опасность установления военной диктатуры или возвращения войск Гамсахурдиа в Тбилиси и новой гражданской войны. Поддержка, оказанная абхазским войскам русскими и северокавказцами, привела к поражению грузин в Абхазии, но, после того как его войска были изгнаны из Абхазии, Россия помогла Шеварднадзе окончательно разгромить военных приверженцев его соперника Гамсахурдиа. Поражение Шеварднадзе в Абхазии было необходимым условием победы в этом внутриэтническом конфликте. В 1998 г., три года спустя после окончательного устранения полувоенных организаций от власти и введения в действие новой демократической конституции, условия, при которых Шеварднадзе пришел к власти, снова стали важным политическим вопросом.

Покушение на его жизнь в феврале 1998 г., совершенное сторонниками свергнутого президента, поставило вопрос о «национальном примирении» между двумя группировками в грузинской гражданской войне в ряд важнейших в

временем или отсутствием альтернатив. См. введение Терри Нардина к кн.: Nardin Terry (ed.). *The Ethics of War and Peace. Religious and Secular Perspectives*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996. P. 31.

¹ Ekedahl C. M., Goodman M. A. *The Wars of Eduard Shevardnadze*. London: Hurst & Company, 1997. P. XXII.

политической повестке дня. Политическая стабилизация, достигаемая благодаря такому процессу примирения, может способствовать институциональному разрешению различных межэтнических и межрегиональных конфликтов или напряженности (в отношениях с абхазами, юго-осетинами, аджарцами, армянами и азербайджанцами).

В-третьих, морально-этические размышления о грузино-абхазском конфликте могут фокусироваться на нормативном значении в этом конфликте права на отделение, включая нормативное соотношение права на самоопределение и принципа территориальной целостности. Этот вопрос затрагивает не только причины возникновения войны. Возможность долговременного отделения Абхазии учитывается на всех переговорах о федеративном будущем грузино-абхазских отношений. Отказ международной общественности признать абхазское правительство легитимным или согласиться с изменением границ, достигнутым силой либо односторонними формами сепаратизма, ставит нормативный вопрос о праве на отделение во главу угла отношений между Абхазией и мировым сообществом. Этот вопрос может по-прежнему дебатироваться даже после мирного соглашения. Нет оснований полагать, что конфедеративные или федеративные институты положат конец конфликтам по поводу суверенитета или даже стремлениям к сепаратизму. Можно надеяться на то, что дебаты по этому вопросу в Абхазии и Грузии будут происходить в институциональных рамках, не допускающих вооруженных столкновений, как это имеет место в Канаде и некоторых западноевропейских странах. Федерализация общего грузино-абхазского государства не обязательно явится трамплином к отделению, но она не исключает демократических дискуссий по данному вопросу и потребует постоянных размышлений о легитимности совместных институтов.

В-четвертых, исследований с позиций морали требуют также грузинские и абхазские концепции гражданства и заложенные в них представления о том, что «другие» составляют вместе с грузинами единое национальное сообщество (как считают грузины) или представляют собой различные национальные общины (как считают абхазы). Вопрос о том, какие части населения, живущие на определенной территории, включаются в состав той или иной общины, а какие исключаются из нее, согласно этим представлениям (вопрос о том, кого следует считать «гостями» или «чужаками» на грузинской земле, или вопрос о праве грузинского населения Абхазии вернуться в свои дома), имеет четкое моральное измерение. Это моральное измерение также присутствует в дискуссии о том, кого считать политическим

---

¹ Там же. С. 265.

меньшинством или политическим большинством, согласно этим представлениям об общине (грузины как политическое большинство, согласно грузинскому понятию единого национального сообщества; абхазы как политическое большинство, согласно абхазскому понятию национального государства). Разговор о содержании таких несущих ценностную нагрузку понятий, как демократия и федерализм, непосредственно связан с этими дискуссиями о гражданстве и нации¹.

В-пятых, возможные стратегии преодоления прошлых несправедливостей, совершенных обеими сторонами. Мирное урегулирование подразумевает необходимость политического выбора, во-первых, между уголовным преследованием или амнистией для отдельных лиц, совершивших серьезные злодеяния, и, во-вторых, между необходимостью помнить или забыть былые преступления. В других странах, переживших подобные формы перехода, принятые стратегии отличались большим разнообразием². Политический выбор, с которым это связано, является в сущности моральным выбором. Данные вопросы в настоящее время не занимают главенствующего места на политических переговорах, но они несомненно выйдут на передний план в будущем.

Все эти пять тем, безусловно, придется дифференцировать. Неразрывно взаимосвязанные в эмпирической реальности, в политической философии они относятся к различным традициям, каждая из которых имеет своих адептов. Исследования грузино-абхазского конфликта в рамках этих различных теоретических традиций потребовали бы пространного анализа, что в данном случае не входит в мои намерения. В своей работе я ограничиваюсь вопросом, который считаю более важным, чем детальный анализ каждой из этих проблем: может ли дискуссия о моральном характере вооруженного конфликта оказаться плодотворной в рамках грузино-абхазского сотрудничества на академическом уровне? Этот вопрос при обсуждении первого варианта настоящей работы вызвал дебаты среди участников конференции, состоявшейся в июне 1997 г. Некоторые из участников (и не только грузинские или абхазские) испытывали серьезные сомнения насчет того, окажут ли такие дискуссии положительное влияние на диалог между противоборствующими общинами. Это отсутствие согласия относительно значимости моральных дебатов между грузинами и абхазами контрастировало с

---

¹ В литературе федерализм рассматривается как нормативное или ценностное понятие, характеризующее способ разграничения суверенитета между центральным правительством и федеративными единицами, в то время как федерация — это описательное понятие, которое относится к конкретному государственному устройству, основанному на федералистских принципах.

² См.: Huyse Luc. Justice after Transition: On the Choices Successor Elites Make in Dealing with the Past, in: Jongman Albert J. (ed.). Contemporary Genocides: Causes, Cases, Consequences. Leiden: PIOOM, 1996. P. 187—214.

общим консенсусом о том, что вопрос о федерализме и федеративных системах (федеративные системы включают в себя как федерации, так и конфедерации) будет иметь первостепенное значение для будущего мирного урегулирования. Я, безусловно, согласен с тем, что институциональным вопросам в абхазо-грузинском сотрудничестве должен отдаваться высший приоритет, что я и обосновываю в заключении к настоящему сборнику. Но означает ли это, что обсуждение моральных аспектов конфликта будет лишь сеять рознь между сторонами? На конференции также сложился относительный консенсус по поводу целесообразности обсуждения вопросов о стратегиях общекавказской интеграции и историографии грузино-абхазских отношений. И непонятно, почему отсутствовало согласие относительно значимости морали в программах по укреплению доверия, несмотря на открыто моральный характер конфликта? Я убежден в том, что такое неприятие основано на неправильном понимании места морали или этики в политических конфликтах и научных спорах. Процесс диалога между грузинами и абхазами на академическом уровне непременно должен включать все научные дисциплины, в том числе и этику, и все научные традиции, представленные в этих дисциплинах.

Ниже я намерен рассмотреть важнейшее возражение по поводу значения морального анализа политического конфликта, а затем два альтернативных подхода, содержащиеся в статьях настоящего сборника, к непосредственному включению морали и этических суждений в анализ грузино-абхазских отношений. Я хочу продемонстрировать, что эти альтернативные подходы не могут заменить морального подхода, в особенности при анализе вопроса о политической ответственности. Последнюю проблему следует рассматривать как часть проблемы мирного урегулирования и как вопрос о том, как и в какой мере следует увязывать право грузинского населения из Абхазии на возвращение туда с оценкой степени его вовлеченности в войну. В данной работе я буду различать по важности понятия «намерения», «мотивы» и «ответственность», являющиеся центральными в политической этике, для анализа грузино-абхазского конфликта.

Мы не станем рассматривать упомянутые пять широких тем политической философии в отрыве друг от друга, а затронем их все вместе. Ссылки на сам конфликт в основном служат иллюстрацией к моей аргументации и не являются попыткой дать определенные ответы на моральные вопросы, которые поставлены конфликтом и о которых говорилось выше. Подобно многим авторам, не являющимися представителями кавказского региона, которые описывают федеративные структуры, могущие появиться в Грузии и Абхазии, главная цель моих размышлений — предложить общие идеи и принципы, ссылаясь на

академические дискуссии, которые могут иметь особое отношение к грузино-абхазскому конфликту.

Правда, согласно Майклу Уолзеру, самую эффективную моральную критику высказывают представители, находящиеся внутри системы моральных представлений той или иной общины. Критика со стороны чаще всего бывает абстрактной и слишком рационалистической, ведущей не к диалогу, а к принуждению¹. Такая критика абстрактно-принуждающего (coercive) морального характера является постоянно повторяющейся темой в западной философской традиции. Морально-этическая традиция более склонна оттачивать частные этические вопросы, чем давать читателю готовые ответы. Возьмем в качестве примера доктрину справедливой войны: Роберт Филлипс справедливо заявил, что эту доктрину скорее следует рассматривать как «серию вопросов, которые должен задавать себе любой моральный агент, сталкивающийся с проблемой применения силы. Доктрина оправданной войны сама по себе не дает адекватных моральных ориентиров»².

Моральные споры и научные правила

Согласно одному аргументу против моральных рассуждений на тему разрешения конфликтов, вопрос о том, кто прав и кто виноват, не принадлежит к сфере научного познания. В отличие от эмпирических или аналитических исследований о конфликтах, моральный спор — гласит этот аргумент — не может быть решен согласно общеприменимым методологическим правилам. Мораль считается основанной на субъективных восприятиях, которые сами основаны на нередуцируемых противоречиях между ценностями и ценностными системами. Конфликты между национальными общинами выражают собой конфликтующие друг с другом иерархии коллективных ценностей, и для отдельных наблюдателей не имеет смысла решать или даже высказывать личные суждения о таких коллективных спорах, основанные на собственных системах ценностей.

Действительно, эмпирическая наука не может решать, как следует применять принцип самоопределения или принцип территориальной целостности в грузино-абхазском мирном урегулировании. Историки могут описывать, как выигрываются или проигрываются войны за отделение. Специалисты по международному праву могут описывать, как принцип самоопределения переосмыслился в процессе

---

¹ Nardin. Introduction. Op. cit. P. 17.

² Phillips Robert. War and Justice. Norman: University of Oklahoma Press, 1984. P. 15.

деколонизации или как процессы интеграции и глобализации бросают вызов правовому принципу суверенитета. История югославского конфликта может учить нас тому, как западные правительства разошлись во мнениях по вопросу о признании права Хорватии на сецессию. Политологи могут анализировать последствия тех или иных институциональных стратегий, которые были приняты в прошлом. Никакой дедуктивный анализ, исходящий из общепризнанных принципов, и никакой анализ, базирующийся на исторических аналогиях, лишенных морального выбора, не может дать основанный на эмпирическом опыте ответ на вопрос о том, как должно быть осуществлено право абхазского народа на самоопределение. Анализ подобного типа не может даже ответить на вопрос, как следует интерпретировать понятие «народ» и должно ли довоенное или послевоенное население («народ») считаться носителем такого права?

Аргумент о том, что моральные вопросы, поставленные на карту в том или ином конфликте, субъективны и не могут рассматриваться, исходя из стандартной эмпирической практики, справедлив, но такой аргумент указывает скорее на ограниченность эмпирических исследований о конфликтах, чем на ограниченность моральной рефлексии. Эмпирическая наука может обсуждать причины конкретных конфликтов и последствия принятия определенных стратегий, но имеет в своем распоряжении слишком мало средств, чтобы помочь принятию решений по множеству альтернатив политического выбора, с которыми могут столкнуться те или иные действующие агенты и, в частности, сделать выбор между моральными принципами, которым они должны следовать в конфликтных ситуациях. Любой анализ грузино-абхазского конфликта, при котором исключается этическое измерение, может рассматриваться как редукционистский именно потому, что при этом из рассмотрения исключаются противостоящие друг другу иерархии ценностей и системы ценностей, отстаиваемые в каждой из обеих общин.

Поскольку в любом случае непосредственно моральным аспектом войны нельзя пренебрегать, может быть, имеет смысл рассматривать его в позитивном ключе. Моральные доводы использовались и все еще используются в политической аргументации и декларациях всех сторон, вовлеченных в конфликт. Оружие моральной критики является одним из набора инструментов, используемых обеими противоборствующими сторонами для мобилизации внутренней и международной поддержки. Поскольку обе стороны апеллируют к моральным категориям, моральный анализ их аргументов может оказаться незаменимым, особенно ввиду отсутствия моральной ясности относительно их политических целей. Неясно, например, каково моральное содержание основных принципов, поставленных на

карту в конфликте. Какими моральными аргументами абхазское правительство обосновывает приоритет права на самоопределение над принципом территориальной целостности международно признанных государств?

Стоит ли это право на самоопределение выше собственности и политических прав довоенного грузинского населения? Каково значение политической свободы и равенства в этом контексте? Может ли равенство между народами быть достигнуто лишь посредством образования независимых государств? Должна ли свобода отождествляться с суверенитетом независимого государства, который ограничивается только рамками международного права и свободно принятыми на себя обязательствами? Или же политическую свободу нужно рассматривать как свободу той или иной общины на сохранение своей идентичности, что может достигаться различными институциональными способами? Ясность здесь необходима, так как на переговорах об общем государстве должны быть найдены общие принципы. Вопрос о том, можно ли признать принцип совместного суверенитета в качестве подобного общего принципа для грузин и абхазов, все еще остается открытым. То же отсутствие ясности относительно морального содержания принципа территориальной целостности характерно для грузинского менталитета. С абхазской точки зрения, грузины заинтересованы исключительно в абхазской территории и в правах собственности своего населения, совершенно не учитывая прав абхазов на свою родину.

Быть может, здесь будет интересно провести параллель с гражданской войной в США. Аллен Бьюкенен является автором классического труда о моральной философии права на отделение. Его моральные размышления опираются на американскую политическую историю. Бьюкенен полагает, что существовала кардинальная неясность относительно моральных принципов, за которые велась борьба в гражданской войне. Один из основных аспектов трагедии этой гражданской войны заключался в том, что «с обеих сторон налицо была глубокая моральная двусмысленность по поводу того, за что же действительно велась война»¹. Обычно считают, что северная сторона боролась за отмену рабства. Бьюкенен цитирует Авраама Линкольна, доказывая, что освобождение рабов не было одной из первоочередных целей северян в гражданской войне: «Моя высшая цель в этой борьбе — спасти Союз, а не в том, чтобы спасти или уничтожить рабство. Если бы я мог спасти Союз, не освободив ни одного раба, я бы сделал это, и если бы я мог

---

¹ Buchanan Allen. *Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Boulder-San Francisco: Westview Press, 1991. P. X.

спасти Союз, освободив некоторых и не трогая других, я бы также сделал это»¹. По словам Бьюкенена, эта моральная нечеткость относительно вопросов, поставленных на кон войной, имела долговременные последствия для развития гражданских прав в США. Эта глубочайшая двусмысленность по поводу политических условий, на которых в прошлом веке было отменено рабство, по сей день затрудняет гражданскую эмансипацию негритянского населения Америки.

Правительства Грузии и Абхазии прилагают недюжинные пропагандистские усилия для защиты принципа территориальной целостности и права на самоопределение, тогда как грузинские и абхазские ученые обсуждают применимость этих принципов в контексте грузино-абхазского конфликта. В своей статье для данного сборника Вячеслав Чирикба сосредоточивает свое внимание на праве на самоопределение, в то время как Реваз Гачечиладзе рассматривает принцип территориальной целостности. Было бы интересно прояснить моральный смысл этих принципов в рамках академического сотрудничества.

Политическое значение такого прояснения становится особенно ясным, когда мы рассматриваем два наиболее ходовые обвинения, выдвигаемые против руководства обеих общин. Абхазское правительство обвиняют в использовании права на самоопределение как идеологической ширмы для защиты этнократической диктатуры. В соответствии с принципом территориальной целостности интеграция Абхазии в грузинское государство — гласит эта критика — демократизировала бы абхазские государственные структуры и привела бы к отстранению нынешнего абхазского руководства от власти². В то же время грузинское правительство обвиняют в том, что оно толкует принцип территориальной целостности как средство сохранения владений своей «малой империи». Политические переговоры останутся трудными до тех пор, пока те, кто отвечает за ведение переговоров или посредничество, пользуются такими обвинениями или даже сколько-нибудь верят им. Прояснение отстаиваемых ценностей при обсуждении будущего государственного устройства может помочь развеять эти укоренившиеся предрассудки.

В статьях, помещенных в этом сборнике, Гиа Нодиа и Гиа Тархан-Моурави утверждают, что отношение грузин к западным понятиям демократии и прав человека основано (пока что) на внешнем соответствии, а не на более глубоком культурном усвоении³. Тархан-Моурави заявляет в своей статье, что хотя грузинская

---

¹ Там же. Р. 1.

² Такой аргумент содержится в ст.: Henze Paul B. *Abkhazia Diary 1997*, in: Mehmet Tittuncu (ed.). *Caucasus: War and Peace*. Haarlem, 1998. P. 90—107.

³ Об этом разграничении см.: Basam Tibi. *War and Peace in Islam*, in: Nardin

и абхазская стороны апеллируют к принципам международного права, последние имеют для них лишь инструментальную ценность. Моральные аргументы и принципы международного права действительно имеют тенденцию быть используемыми *ad hoc* в политических конфликтах, и не только грузинским и абхазским правительствами. Вообще крайне трудно — в том числе и в Западной Европе — провести грань между внешним соответствием и более глубоким культурным усвоением «универсальных» принципов. В международном праве утверждения универсального характера выдвигаются на основе общепризнанных ценностей, но это признание осуществляется путем ратификации договоров и конвенций, но не обязательно путем признания со стороны общественного мнения¹. Но то, что политические игроки более озабочены материальными интересами, чем моральными аргументами, не должно приводить к заключению, что при анализе грузино-абхазского конфликта можно пренебречь моралью. Политические игроки всегда определяют свои «материальные» интересы в рамках культурной идиомы, в которой моральные принципы играют видную роль. Культурная идиома, в которой оперируют политические представители определенной общины, имеет решающее значение для отбора тех интересов, которые считаются фундаментальными². Тот факт, что грузинское правительство считает «западные» понятия о демократии, правах человека и международном праве «инструментальными», «полезными» для отстаивания перспектив будущего развития страны, сам по себе еще не показателен для оценки грузинской политической культуры. Такие понятия считаются инструментальными не во всех частях СНГ. У меня создалось впечатление, что в этом отношении абхазская культура не очень отличается от грузинской. Абхазские археологи и историки любят привлечь внимание к тому факту, что со времен колонизации греками и римлянами их страна в течение длительных периодов истории находилась на внутренней периферии западных империй и западной цивилизации³. Абхазские интеллектуалы чувствуют себя не менее близкими к европейской цивилизации, чем интеллектуалы грузинские. В статьях настоящего сборника читатель не сможет найти каких-либо «цивилизационных» столкновений между грузинскими и абхазскими взглядами на нацию или на демократию.

Макиавелли справедливо заявлял, что нравственная риторика есть один из самых мощных видов оружия в международной политике и что способность слыть

(ed.). *Op. cit.* P. 140.

¹ Johnson James Turner. *Just War Tradition and the Restraint and the Restraint of War*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981. P. 23.

² Brubaker Roger. *Citizenship and Nationhood*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.

³ Интервью, взятые автором у абхазских археологов и историков в Сухуме (Сухуми) в августе

добродетельным есть неотъемлемая часть искусства государственного мужа¹. Этот общепризнанный принцип с большей легкостью применялся грузинским, нежели абхазским руководством. В последние годы грузинское политическое руководство имело возможность принять западные понятия о демократии. Его прогрессирующая интеграция в западные политические структуры со времени признания Грузии независимым государством в 1992 г. сопровождалась параллельным обучением риторике. Грузинские дипломаты и государственные деятели с гораздо меньшим трудом, чем их абхазские коллеги, играют с формулами, ласкающими западный слух. Экономическая и интеллектуальная изоляция Абхазии со времени войны — после 70 лет советской автаркии — и недостаток у нее подготовленного дипломатического персонала привели к тому, что для ее политического руководства оказалось очень трудно добиться признания своих позиций у международной аудитории. Обоснованные абхазские претензии были бы, вероятно, гораздо лучше поняты и признаны на международных форумах, если бы фундаментальные ценности, которые абхазы желают защищать, были выражены более соответственным языком, чем это делалось до сих пор (например, чужаку, незнакомому с советской концепцией федерализма, нелегко понять, почему понятие «автономии» не является положительным для абхазских официальных лиц). Путем уточнения моральных ценностей, с которыми связаны различные вопросы, обсуждаемые за столом переговоров, обе стороны могли бы пойти дальше чисто инструментального использования моральной риторики. Интенсификация грузино-абхазского диалога, который прояснил бы эти фундаментальные ценности и принципы, способствовала бы выходу за рамки позиции чисто внешнего соответствия универсальным демократическим принципам. Общее государство безусловно требует большего, нежели чисто инструментального использования взаимно согласованных принципов или институтов.

Грузино-абхазский диалог на тему моральных ценностей, с которыми связано создание общего федеративного государства, имеет отношение к моральным дебатам и в других странах. Выбор между представлениями нации о самой себе с этнической и гражданской точек зрения, обсуждаемый в статье Гиа Нодиа, представляет собой всеобщую проблему. Он является одной из основных тем дискуссий между политическими партиями в Германии, Франции и других европейских странах, когда речь заходит о доступе к гражданству. Право на

1997 г.

¹ Coates A.J. The Ethics of War. Manchester and New York: Manchester University Press. 1997. P. 21.

отделение также стало важным предметом дискуссий в философских исследованиях последних лет. Официальная абхазская позиция состоит не в требовании независимости, а скорее — с учетом политических реалий — в отстаивании национального суверенитета в рамках федеративного (предпочтительно конфедеративного) государства. Но и националистическое течение, выступающее за независимость, сильно в Абхазии. Сравнительные исследования дискуссий о моральном значении сецессии и ее альтернатив для обеспечения основных ценностей той или иной общины могут быть очень уместны для грузино-абхазского диалога, в особенности исторические сравнения. Читая о моральных размышлениях во времена гражданской войны в США, я нашел в статье Филипа Эббота перечень аргументов, приводившихся Линкольном против сецессии. За исключением пункта 6, который описывает рабство как злой обычай, который следует искупить, все они присутствуют в современном грузинском подходе, направленном против отделения:

«1. Пункт о вечности: поскольку союз создавался навечно, отколовшиеся части не имеют моральной или правовой идентичности, отдельной от существующей республики.

2 Пункт о демократической привилегии: отделение есть нарушение правления большинства.

3 Пункт о бесконечном отделении: отделение создаст прецеденты для дальнейшей сецессии, пока не прекратится всякое эффективное правление.

4 Пункт об экономической мобильности: отделение серьезно тормозит экономическую мобильность.

5 Пункт о культуре применительно к тем, кто творит беззакония: не существует законного обоснования отделения ссылками на наличие особой культуры для тех, кто нарушает основные права человека.

6 Пункт об искуплении: сопротивление отделению искупит национальную вину за то, что люди терпели злые обычаи.

7 Пункт об исключительности: отделение не оправдано в тех случаях, когда государство проводит новаторский курс демократического развития.

8 Пункт об общем наследии: отделение означает непоправимый разрыв с драгоценным общим наследием»¹.

Нейтральный наблюдатель

В спорах о том, могут ли моральные аргументы иметь место в научной

---

¹ Abbott Philip. The Lincoln Propositions and the Spirit of Secession, in: Lehning Peter (ed.). Theories of Secession. London and New York: Rutledge, 1998. P. 187.

дискуссии о грузино-абхазской войне, важное место занимает позиция научного наблюдателя. Распространено убеждение, что при рассмотрении национальных или этнических конфликтов научный анализ должен быть не только беспристрастным, но и морально нейтральным. Когда этот идеальный нейтральный наблюдатель приступает к разрешению конфликтов и анализу переговоров, это, к примеру, подразумевает, что он должен исходить из посылки, что все стороны, вовлеченные в вооруженный конфликт, делают рациональный выбор средств отстаивания своих интересов и ценностей и дебатов между грузинами и абхазами контрастировало с общим консенсусом о том, что вопрос о федерализме и федеративных системах (федеративные системы включают в себя как федерации, так и конфедерации) будет иметь первостепенное значение для будущего мирного урегулирования. Я, безусловно, согласен с тем, что институциональным вопросам в абхазо-грузинском сотрудничестве должен отдаваться высший приоритет, что я и обосновываю в заключении к настоящему сборнику. Но означает ли это, что обсуждение моральных аспектов конфликта будет лишь сеять рознь между сторонами? На конференции также сложился относительный консенсус по поводу целесообразности обсуждения вопросов о стратегиях общекавказской интеграции и историографии грузино-абхазских отношений. И непонятно, почему отсутствовало согласие относительно значимости морали в программах по укреплению доверия, несмотря на открыто моральный характер конфликта? Я убежден в том, что такое неприятие основано на неправильном понимании места морали или этики в политических конфликтах и научных спорах. Процесс диалога между грузинами и абхазами на академическом уровне непременно должен включать все научные дисциплины, в том числе и этику, и все научные традиции, представленные в этих дисциплинах.

Ниже я намерен рассмотреть важнейшее возражение по поводу значения морального анализа политического конфликта, а затем два альтернативных подхода, содержащиеся в статьях настоящего сборника, к непосредственному включению морали и этических суждений в анализ грузино-абхазских отношений. Я хочу продемонстрировать, что эти альтернативные подходы не могут заменить морального подхода, в особенности при анализе вопроса о политической ответственности. Последнюю проблему следует рассматривать как часть проблемы мирного урегулирования и как вопрос о том, как и в какой мере следует увязывать право грузинского населения из Абхазии на возвращение туда с оценкой степени его вовлеченности в войну. В данной работе я буду различать по важности понятия «намерения», «мотивы» и «ответственность», являющиеся центральными в политической этике, для анализа грузино-абхазского конфликта.

Мы не станем рассматривать упомянутые пять широких тем политической философии в отрыве друг от друга, а затронем их все вместе. Ссылки на сам конфликт в основном служат иллюстрацией к моей аргументации и не являются попыткой дать определенные ответы на моральные вопросы, которые поставлены конфликтом и о которых говорилось выше. Подобно многим авторам, не являющимися представителями кавказского региона, которые описывают федеративные структуры, могущие появиться в Грузии и Абхазии, главная цель моих размышлений — предложить общие идеи и принципы, ссылаясь на академические дискуссии, которые могут иметь особое отношение к грузино-абхазскому конфликту.

Правда, согласно Майклу Уолзеру, самую эффективную моральную критику высказывают представители, находящиеся внутри системы моральных представлений той или иной общины. Критика со стороны чаще всего бывает абстрактной и слишком рационалистической, ведущей не к диалогу, а к принуждению¹. Такая критика абстрактно-принуждающего (coercive) морального характера является постоянно повторяющейся темой в западной философской традиции. Морально-этическая традиция более склонна оттачивать частные этические вопросы, чем давать читателю готовые ответы. Возьмем в качестве примера доктрину справедливой войны: Роберт Филлипс справедливо заявил, что эту доктрину скорее следует рассматривать как «серию вопросов, которые должен задавать себе любой моральный агент, сталкивающийся с проблемой применения силы. Доктрина оправданной войны сама по себе не дает адекватных моральных ориентиров»².

Намерения, мотивы и ответственность

Два альтернативных подхода не могут противопоставляться моральному анализу конфликта. Эмпирический подход, при котором остается в стороне моральное измерение конфликта или не выносится моральный приговор, может на самом деле дополнять эмпирический подход, при котором такой приговор *действительно* выносится. Это не означает, что их можно или нужно соединять в одном анализе. Первые два типа анализа повышают нашу способность понимать интересы, замешанные в конфликт, и представления сторон о самих себе. Моральный приговор, раскрываемый при третьем типе подходов, идет дальше

---

¹ Nardin. Introduction. Op. cit. P. 17.

² Phillips Robert. War and Justice. Norman: University of Oklahoma Press, 1984. P. 15.

теоретического понимания, занимая практическую позицию, но он требует эмпирического понимания. В своей книге об этике справедливой войны Кен Коутс выступает за эмпирический анализ как часть этического суждения, поскольку существует «необходимость эмпирического анализа в трудных моральных обстоятельствах. Точная, полная и беспристрастная картина физической или предшествующей морали (pre-moral) структуры акта, избегающая эвфемистического и тенденциозного описания и ясно и четко сосредоточенная на его тотальной человеческой цене, является предпосылкой здравого морального суждения»¹.

Как указывалось в начале данной статьи, мое намерение состоит не в том, чтобы проводить детальный моральный анализ одного из различных аспектов грузино-абхазской войны, но в том, чтобы обосновать значение такого анализа в рамках грузино-абхазского академического сотрудничества. Чтобы доказать это значение, я прослежу различие между намерениями, мотивами и ответственностью на примере анализа важнейших, по моему мнению, спорных моральных вопросов в этой войне: решения грузинского руководства ввести войска в Абхазию в августе 1992 г. (обвинений, касающихся грузинской «агрессии»), условий, при которых грузинское население покинуло свои дома, и отказа абхазского руководства позволить ему организованно и в сжатые сроки вернуться домой или серьезно обсуждать условия его возвращения (обвинений, касающихся абхазской «этнической чистки»). Важно увидеть, как сами грузинские и абхазские ученые анализируют ответственность своих правительств, которую на них за это возлагают. Я приведу в пример статью Гиа Нодиа, касаясь первого вопроса, и статью Вячеслава Чирикбы, касаясь второго.

Понимание динамики грузино-абхазского конфликта подразумевает понимание намерений, мотивов и ответственности обеих сторон. Дифференциация между первыми двумя понятиями особенно важна: *намерения* отвечают на вопрос, «почему» действие имело место (к каким целям стремится агент), тогда как *мотивы* представляют собой «дух» или умонастроение агента (включая интересы и эмоции)². Приведем конкретный пример: некто может убить больное животное из жалости. Намерение относится к цели действия (убийство), в то время как мотивы относятся к душевному состоянию, в котором производится это действие (жалость). Теоретики морали имеют тенденцию быть более внимательными к мотивам, чем к намерению, что не означает, однако, что намерения не имеют значения. Для св. Августина

---

¹ Coates. Op. cit. P. 243.

² Nardin Terry. The Comparative Ethics of War and Peace, in: Nardin (ed.). Op. cit. 1966. P. 256.

истинная проблема войны не в том, что солдаты порой умышленно убивают, но в том, что они убивают из ложных мотивов: из ненависти и жестокости, а не неохотно, в целях самообороны или ради подчинения высшему закону¹.

Еще одно различие следует проводить между личными и политическими мотивами. Личные мотивы применения силы, например, были бы связаны, среди прочего, с корыстью агента (что подразумевается в обвинении грузинских полувоенных формирований в грабеже или в обвинении абхазского руководства в желании остаться у власти любой ценой). Политические мотивы могут заключаться в готовности применить силу либо как средство достижения некоего блага в интересах более широкой общественности (достижения самоопределения, например), либо как вынужденное средство для лидера и нации. Государства, которые развязывают войны, могут подчеркивать то или иное политическое требование². В случае грузино-абхазского конфликта обе стороны прибегли ко второму политическому требованию в качестве мотивации для применения силы: абхазские власти никогда не утверждали, что они начали войну за отделение, но, напротив, заявляли, что война была им навязана. Грузинская сторона также выступала за право на самооборону (восстановление порядка на всей территории Грузии) в качестве мотива для начала военных операций.

Анализ грузинских мотивов у Нодиа

Анализ намерений и мотивов Эдуарда Шеварднадзе (почему он предпринял некоторые действия и в каком умонастроении он был, действуя таким образом) содержится в статье Гиа Нодиа, хотя он не использует и не дифференцирует эти два понятия. Вначале он констатирует, что индивидуальная ответственность Шеварднадзе есть в то же время политическая -ответственность, и ее следует рассматривать как результат более широкого процесса принятия решений в Президиуме Госсовета. Мы могли бы добавить, что исходные условия для решений, принятых данным правительством, фактически в большой мере были созданы другими, подчиненными лицами, находившимися на более низких ступеньках иерархии, которые и приняли на себя ответственность за них³. Роль грузинских политических и военных сил, действовавших от имени Госсовета, но в значительной степени вне его прямого контроля, также следует признать. Процесс проведения в

---

¹ Mapel David R. Realism and the Ethics of War and Peace, in: Nardin (ed.).
Op. cit. P. 63—64.

² Tucker Robert The Just War: A Study in Contemporary American Doctrine. Baltimore, 1960. P. 1.

³ Levinson Sanford. Responsibility for Crimes of War // Cohen Marshall, Nagel Thomas and Scanlon Thomas. War and Moral Responsibility. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. P. 104.

жизнь решений, как и их принятия, является коллективным процессом, за который политические представители, однако, несут полную ответственность. Нодиа анализирует намерения Шеварднадзе и, в частности, вопрос о том, действительно ли командиры грузинских войск нарушили приказ Шеварднадзе об ограниченной военной операции в Абхазии и развернули полномасштабную войну, за которую затем он вынужден был взять ответственность, как позднее утверждалось. Анализирует он и позицию грузинского населения. Нодиа констатирует, что грузинское общественное мнение, кроме многочисленных сторонников Гамсахурдиа среди грузинского населения Абхазии, поддержало войну и мобилизацию всех сил для ее ведения. Лишь эти сторонники не хотели воевать, так как были решительно настроены против руководства Шеварднадзе, несмотря на то что для них многое было поставлено на карту.

Вышеприведенный анализ, однако, уступает по важности анализу мотивов Шеварднадзе. Личная гипотеза Нодиа состоит в том, что отношение руководителя к войне было весьма неоднозначным. Представляется даже, что он не хотел войны («есть серьезные основания считать, что Шеварднадзе действительно не хотел начинать войну»), но общая ситуация в то время, в особенности опасения мести со стороны приверженцев Гамсахурдиа и угроза распада страны вследствие отделения Абхазии, послужили для него сильной побудительной причиной применить военную силу. Если бы он пошел наперекор военачальникам, он был бы свергнут с непредсказуемыми последствиями растущей анархии по всей стране. Нодиа склонен был бы считать подобное решение неправильным выбором: «Единственной альтернативой был уход в отставку — что было бы поступком благородным, но в тот момент чрезвычайно безответственным».

Нодиа не намерен высказывать какого-либо суждения о личной или политической ответственности или выходить за рамки точного описания мотивов. Однако он отступает от этих правил, заявляя, что отставка Шеварднадзе была бы благородным поступком для него как личности, отказывающейся от каких-либо намерений вести войну, но безответственным как для государственного деятеля, отказывающегося признать законными политические мотивы ведения войны (чтобы спасти государство). Согласно анализу Нодиа, война не оправдана ретроспективно как своего рода полицейская операция — на абхазской территории и против войск Гамсахурдиа, — которая вышла из-под контроля. Бесконтрольные действия грузинских войск и многочисленные нарушения ими правил ведения войны не приукрашиваются как неизбежные последствия любой войны или как «невольные» последствия решения политических лидеров применить силу. То, что Нодиа ясно

заявляет, что в тот момент выбор любой другой альтернативы кроме войны, явился бы безответственным поступком со стороны Шеварднадзе, означает, что он имплицитно отходит от этики ответственности, в которой мотивы более важны, чем намерения. Это значит, что в конечном итоге для Нодиа оказалось невозможно вопреки тому, что он заявлял раньше, оставаться в пределах эмпирического анализа альтернатив морального выбора или избегать вынесения суждений о моральной ответственности.

Эта характеристика намерений и мотивов Шеварднадзе, а также поддержки, полученной им со стороны грузинского населения собственно Грузии (но не приверженцев Гамсахурдиа среди грузинского населения Абхазии), имеет существенное значение в дискуссии об оценке ответственности. Нодиа заявляет, с одной стороны, что *в тот конкретный момент* оправдание и поддержка войны являлась меньшим злом по сравнению с отставкой (меньшим злом, чем вероятные последствия отставки: полный распад страны в ходе гражданских и этнических войн). С другой стороны, он описывает весь процесс создания противоречащих друг другу национальных проектов, не оспаривая их легитимности, но очень четко разъясняя, что альтернативы войне были бы, если бы обе стороны заняли иную политическую позицию в отношении друг с другом. Это значит, что, по моему мнению, в анализе Нодиа существует противоречие между долгосрочной и краткосрочной перспективой. Касаясь долгосрочной перспективы, он не формулирует морального суждения, а указывает на лучшие варианты политического выбора, но касаясь краткосрочной перспективы, он все же выносит моральный приговор и указывает, что лучшего морального выбора не было. По мнению Нодиа, долгосрочная перспектива все-таки более важна и более значима для всей его аргументации, чем краткосрочная, потому что Шеварднадзе как конкретный политический лидер имел лишь ограниченный выбор в тот конкретный момент. На мой взгляд, было бы вполне оправданно не только вынести моральное суждение о конкретном выборе, сделанном Шеварднадзе, но и сформулировать более общее моральное суждение об обоснованности политики обеих сторон, включая их национальные проекты и готовность к безудержному применению силы.

Я лично сомневаюсь в том, что в августе 1992 г. у Шеварднадзе были какие-то пруденциальные (продиктованные благоразумием) моральные проблемы относительно использования силы для разрешения серьезного политического спора с Абхазией. Возможно, он сомневался в шансах на успех военных операций против абхазского правительства, но сделанные им потом заявления в поддержку военной политики России в отношении Чечни или в пользу принуждения к мирному

урегулированию в Абхазии с помощью войск СНГ или иных контингентов (по примеру Боснии) указывают на то, что он, как правило, не придерживается пруденциальной позиции о применении силы в качестве «крайнего средства», но, скорее, как средства, которое может использоваться параллельно с классическими дипломатическими методами в том случае, когда военная сила кажется более целесообразной для достижения тех или иных политических целей, чем переговоры. Тот факт, что ввод грузинских войск в Абхазию не мог ни в коем случае считаться актом агрессии согласно международному праву (как и в случае с российской интервенцией в Чечне), снял важное препятствие к более сдержанному применению силы и способствовал развязыванию войны.

Абхазские ученые, вероятно, не согласились бы с анализом намерений Шеварднадзе у Нодиа и не усмотрели бы в его позиции раздвоения. Они не разделили бы оценку Нодиа, что Шеварднадзе не смог бы остановить войну, даже если бы захотел, что он, возможно, имел понятные основания для того, чтобы предпочесть остаться у власти, нежели подать в отставку, и что его более глубинная мотивация по спасению грузинского государства может до некоторой степени компенсировать злостность акта агрессии. Но я полагаю, что между Нодиа и абхазскими учеными может вестись более продуктивная дискуссия относительно мотивов действий Шеварднадзе, чем относительно его намерений. Они, быть может, согласятся также с его общей констатацией, что политика не всегда имеет дело с выбором между добром и злом, но в основном связана с выбором меньшего из двух зол. Мне представляется, что они еще охотнее согласятся с его характеристикой развития конфликта в долгосрочном плане и имплицитным предположением о том, что применение силы не было бы неизбежным, если бы был сделан другой политический выбор. Эта возможность проведения более плодотворной моральной дискуссии между грузинами и абхазами об ответственности их лидеров, когда она фокусируется на мотивах, а не на намерениях, на мой взгляд, есть первый резон для того, чтобы отдать предпочтение подобного рода анализу.

Анализ намерений не обязательно является более спекулятивным, нежели анализ мотивов. В приведенном выше примере убийства больного животного из жалости легче эмпирически оценить намерение деяния (убийства), чем его мотива (жалость). В случае с причинами войны, напротив, легче эмпирически оценить мотивы (включая идеологические мотивы и общие установки обеих сторон применительно к политическим обстоятельствам и их готовность к применению силы), чем военные и политические намерения (точные цели ввода грузинских войск в Абхазию со стороны Шеварднадзе). Для меня это второй резон, чтобы предпочесть

сосредоточить внимание на мотивах, а не на намерениях в данном конкретном изучаемом вопросе.

Более глубинные мотивы обеих сторон в грузино-абхазском конфликте были не столь далеки друг от друга, несмотря на полную противоположность их намерений. В этом третье преимущество такого упора на политические мотивы, а не на намерения. Нодиа указывает на обоснованный страх абхазской нации перед перспективой исчезновения как на фундаментальный мотив для действий, предпринятых абхазским националистическим правительством в ходе конфликта, подобно тому, как опасение, уже описывавшееся нами, полного распада грузинского государства как внутреннее побуждение для действий Шеварднадзе (то есть как «дух», в котором он осуществлял определенные намерения). Абхазское руководство считало, что решение Госсовета Грузии в феврале 1992 г. — восстановить действие конституции 1921 г., дабы подчеркнуть правопреемство с независимой Грузинской республикой 1918—1921 гг. — представляло собой угрозу политическому статусу Абхазии. Абхазское руководство нарушило грузино-абхазское соглашение 1991 г., не допуская конституционных изменений, если они не были приняты большинством в две трети голосов (без согласия грузинских представителей в абхазском парламенте), восстановив в действии конституцию Абхазии 1925 г. По словам Нодиа, это означало «латентное объявление войны грузинской общине в Абхазии и Тбилиси, а также существенно упрочивало позиции тех людей в грузинском руководстве, которые считали, что с Ардзинбой лучше всего общаться военными методами». Этот открытый вызов грузинской общине со стороны националистического абхазского руководства, не приведший непосредственно к войне, является важным фактором в объяснении ее причин и косвенно возлагает на абхазскую сторону свою долю ответственности за войну. Страх абхазов перед полным численным превосходством грузин сделал затем этническую чистку понятной — отчаянный шаг, предпринятый, чтобы изменить ситуацию. Сосредоточивая свое внимание на мотивах абхазов и грузин, Нодиа открывает важные моменты сходства, которые я бы охарактеризовал следующим образом: обе стороны разделяли сходный исключительный взгляд на нацию, при котором права других национальностей не признавались, и обе они были движимы идеологически окрашенным страхом исчезновения и опасением, что тогдашние политические события могли привести к полному политическому поражению, если бы стороны не вели конфронтационную политику, связанную с применением силы и нарушениями правил войны. Эта негативная оценка позиции обеих сторон могла бы, как мне представляется, привести к позитивному выводу о том, что можно в принципе

устранить такие мотивы посредством политического решения, которое давало бы достаточные гарантии безопасности обеим сторонам.

Анализ абхазских мотивов у Чирикбы

Статья Вячеслава Чирикбы в настоящем сборнике на тему о том, проводило или нет абхазское правительство политику этнической чистки, основывается на совершенно другом способе анализа политической ответственности. Чирикба сосредотачивает внимание на намерениях, а не на мотивах абхазского руководства. Мое личное предпочтение аншшузу, который фокусируется на мотивах, а не на намерениях, не означает, что намерения несущественны в оценке ответственности. Полная картина моральных действий требует обоих измерений — как намерения, так и мотивы являются эмпирически и морально релевантными понятиями. Ниже я не стану обсуждать альтернативный подход Чирикбы вообще, но лишь логическую последовательность и эмпирическую обоснованность его аргументов, хотя я считал бы анализ абхазских мотивов этнической чистки (страх перед «пятой колонной», боязнь превратиться в меньшинство, опасение возмездия и т.п. в условиях, когда недоверие препятствует созданию прочных политических институтов) более продуктивным в моральной оценке этнической чистки.

Политическую значимость вопроса об этнической чистке не следует недооценивать. Насильственное перемещение населения является военным преступлением согласно статье 49 Четвертой Женевской конвенции (Конвенции о защите гражданского населения во время войны)¹. Чирикба утверждает, что абхазское правительство не проводило такой политики и даже не имело намерений изгонять грузинское население из Абхазии, но что оно само в панике бежало из страха перед наступающими абхазскими войсками, которые не встретили дальнейшего сопротивления после того, как они заняли Сухум (Сухуми). В подтверждение этого заявления он цитирует доклад ООН по итогам миссии Генерального секретаря по изучению фактов, направленной для выяснения случаев нарушения прав человека в Абхазии в октябре 1993 г., и пишет, что он «ясно констатирует, что большинство грузин, живших в районе между реками Гумста и Ингури, пытались бежать до прихода абхазских войск». Затем он ссылается на Реваза Гачечиладзе, который, как «более объективный грузинский автор», в своей книге «The New Georgia», по его словам, предпочитает не эксплуатировать спорный термин «этническая чистка», в отличие от «пропагандистского использования» этого

---

¹ Henckaerts Jean-Marie. Mass Expulsion in Modern International Law and Practice. The Hague/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. P. 164.

термина грузинским правительством.

Одно из основных затруднений при обсуждении этого вопроса — следует ли применять термин «этническая чистка» к абхазской политике — состоит в том, что не существует исторической канвы самой войны, относительно которой могли бы достичь согласия грузинские и абхазские (или иные) ученые. Отчет миссии ООН, цитируемый Чирикбой, может считаться неплохим источником. Его авторы, по всей видимости, проверяли свидетельские показания так тщательно, как это только было возможно при создавшихся обстоятельствах, и сохраняют баланс, обвиняя обе стороны в вопиющих нарушениях прав человека. Но выборочное использование этого документа является весьма проблематичным даже в контексте, откуда взята данная цитата. Ибо на самом деле в своей вышеупомянутой статье Чирикба приводит лишь следующее предложение из документа ООН: «После того, как абхазские войска взяли Сухум (Сухуми), большинство грузин, живших в районе между реками Гумиста и Ингури, пытались бежать до прихода абхазских войск». Но далее он опускает следующее предложение: «Некоторые из оставшихся были, по сообщениям, убиты, когда абхазы овладели селами и городами в Очамчирском районе», несмотря на то, что это предложение несомненно является составной частью одного и того же заявления в отчете ООН. Тот факт, что большинство грузинского населения Абхазии бежало до прихода абхазских войск и что «некоторые» из оставшегося меньшинства были, как сообщалось, убиты этими войсками, вряд ли являются доказательством того, что этнической чистки не происходило!

Упомянутый доклад содержит также ссылки на многочисленные показания очевидцев, в которых говорится, что первые абхазские отряды, вступившие на юг Абхазии, не совершали зверств против грузин, но предупреждали, что за ними идут другие части, «занимающиеся грабежами, поджогами домов и убийствами. Однако ничего, по-видимому, не было сделано, чтобы не допустить совершение этими частями подобных действий». В докладе ООН также ясно заявлено, что «многочисленные убийства гражданских лиц также совершались абхазскими войсками как во время, так и после вооруженных столкновений. Многие из оставшихся без подтверждения обвинений касаются жестокостей, совершенных после того, как абхазы отбили Гагру в октябре 1992 г. Несмотря на утверждения о том, что убивали только бойцов с автоматами в руках, есть данные, что большая часть жертв уже не участвовала в боях и что многие другие были гражданскими лицами, не принимавшими активного участия в столкновениях». В своем итоговом заключении, в котором приводится обширный перечень преступлений, совершенных

грузинской стороной, составители доклада не отрицают наличия этнической чистки с обеих сторон (в нем было собрано достаточно свидетельств, с полной ясностью подтверждающих это), но призывают к дальнейшему тщательному изучению этого вопроса: «На основе собранной информации, миссия не имела возможности удостовериться в том, являлось ли очищение районов, находящихся под контролем властей каждой из сторон, соответственно от абхазского или грузинского населения активно проводимой политикой властей в любое время. Лишь дальнейшее скрупулезное расследование и оценка смогут установить соответствующие факты окончательным образом». Поэтому можно было бы утверждать, что в докладе ООН не были удостоверены намерения абхазских властей совершить этническую чистку, но уж точно нельзя использовать одно-единственное предложение этого авторитетного доклада, чтобы доказать обратное.

Чирикба заявляет, что отсутствие термина «этническая чистка» в книге Реваза Гачечиладзе можно противопоставить обвинениям, выдвигаемым грузинским правительством. Можно воспользоваться авторитетом ученых из другой общины, чтобы дискредитировать их правительство, но это не лучший аргумент в научном споре. Авторы могут просто-напросто передумать. Реваз Гачечиладзе не пользовался выражением «этническая чистка» в своей предыдущей книге, но воспользовался им в своей статье для настоящего сборника. Возможно, он решил, что теперь — через пять лет после публикации вышеупомянутого отчета ООН — имеется достаточно общеизвестных фактов об абхазской политике, чтобы заставить его применить этот термин.

Этническая чистка

Эндрю Белл-Фиалков определил этническую чистку как «запланированное, преднамеренное удаление с определенной территории нежелательного населения, отличающегося одной или более характеристиками, такими как этническая принадлежность, религия, раса, классовые или сексуальные предпочтения»¹. В обеих общинах проводились исследования о масштабах проведения подобной политики во время войны грузинской стороной, а ближе к концу войны абхазской стороной. Эти исследования базируются на рассказах очевидцев и письменных источниках. Может оказаться полезным (несмотря на психологические трудности, связанные с этой задачей) сравнить результаты исследований. Эти эмпирические исторические изыскания должны быть дополнены моральным анализом. В самом деле, существует ряд моральных вопросов, связанных с применением понятия «этническая чистка» к

грузино-абхазскому конфликту, и они не могут быть решены посредством исторического описания фактов, но должны анализироваться отдельно. Этот анализ не должен сводиться к значению термина «этническая чистка» в международном праве. Моральный анализ может разработать в этом плане свою собственную методику.

Понятие «этнической чистки» как «запланированного, преднамеренного удаления» должно относиться не только к первоначальным намерениям тех, кто запланировал это удаление, но и ко всем элементам, вытекающим из «запланированной» политики. Нужно учитывать также неумышленные, но предсказуемые последствия. Это разграничение между умышленными и неумышленными, но предсказуемыми последствиями используется в этике войны для оценки последствий вооруженных конфликтов для гражданского населения, которое, согласно «принципу различия», не должно быть непосредственным объектом военных операций. Принцип различия запрещает проведение военных операций против некомбатантов, но предполагает, что при некоторых условиях пагубные последствия военных операций для некомбатантов терпимы. Одно из этих условий заключается в том, что эти последствия лишь предсказуемы или ожидаемы как результат особо важных и законных военных действий, но не наступают в результате прямого умысла². Бегство грузинского населения, например, можно было обоснованно ожидать или даже прогнозировать как следствие крупных военных операций абхазов против грузинских войск независимо от того, являлось ли это бегство частью умысла. Это разграничение между умышленными и неумышленными последствиями военных действий учитывает, однако, тот факт, что неумышленные последствия военных операций также прогнозируются, допускаются и, таким образом, вызываются сознательно. Даже если исход большей доли грузинского гражданского населения действительно не входил в замыслы абхазских властей (в чем можно сомневаться³) (Трудности, связанные с нахождением эмпирических данных о намерениях правительства, можно проследить на примере анализа геноцида, сделанного Робертом Полом Черчиллем. Он утверждает, что нередко бывает трудно найти убедительные доказательства о намерении совершения геноцида, но что такие доказательства можно вывести из последствий акта. «Убедительные доказательства о преднамеренной и запланированной государственной политике —

---

¹ Bell-Fialkov Andrew. *Ethnic Cleaning*. London: Macmillan, 1996. P. 3—4.

² Holmes Robert. *Can War be Morally Justified?* In: Elshtain Jean Bethke (ed.). *Just War Theory*. New York: New York University Press, 1992. P. 200. Обсуждение этого вопроса см. в: Coates. *Op. cit.* P. 239-264.

³

слишком строгий критерий, тем более что правительства могут лгать о своих намерениях и препятствовать попыткам предать их гласности. По этой причине необходимо вменять в вину или делать заключения о намерениях исходя из последствий. Таким образом, геноцид имеет место, когда предсказуемым, прогнозируемым и совокупным результатом принятого образа действие является истребление группы чужаков (outgroup) и когда государство либо производит этот результат, либо молча соглашается с ним, последовательно отказываясь или проявляя неспособность защитить жертвы, часто вопреки собственным правовым нормам». См. Churchill Robert Paul. Genocide, in: Wells Donald A. (ed.). An Encyclopedia of War and Ethics. Westport (Conn.) — London: Greenwood Press, Routledge, 1996. P. 167. Можно рассматривать военные преступления, совершенные подчиненными, как часть намерений властей, если эти власти были информированы о них, но не предприняли правовых действий. Неспособность правительства защитить жертвы подразумевается в более широком определении этнической чистки, приведенном выше.), он оставался предсказуем, был сочтен допустимым и, таким образом, был сознательно вызван как побочный эффект запланированных военных операций против грузинских войск. Разница между умышленными и неумышленными действиями не предполагает деления на акты, за которые несут ответственность агенты, и действия, за которые они не отвечают, — скорее она предполагает разграничение между различными видами ответственности¹. С точки зрения этики войны, те, кто причинил страдания гражданскому населению, обязаны ликвидировать их последствия. Согласно де Зайасу, нет смысла говорить о праве не быть изгнанным, одновременно отрицая существование права на возвращение². Это значит, что термин «этническая чистка» применим не только в отношении сознательно замышляемых военных мероприятий по удалению или актов убийства, вдохновляемых мстью, но и в отношении сознательных военных мероприятий, которые прямо не направлены на удаление жителей, но допускают такое удаление как побочный эффект от их проведения без какой-либо перспективы исправить это впоследствии. На мой взгляд, термин «этническая чистка» подходит для описания политики государственных властей в той мере, в какой эти власти, сознательно вызвавшие данный исход своими военными акциями (независимо от того, было ли это бегство гражданского населения заранее подстроено или же явилось непредумышленным побочным эффектом военных операций), не готовы взять на себя ответственность за их последствия или за их преодоление в сжатый период

---

¹ Ibid. P. 245.

² О нижеследующем см.: Henckaerts. Op. cit. P. 183 ff

времени при соответствующих обстоятельствах.

Более широкая интерпретация термина «этническая чистка», — включающая как умышленные, так и неумышленные формы удаления некоторых категорий нежелательного населения с определенной территории, право на возвращение которого не признается или не осуществляется «в кратчайшие практически возможные сроки» (если воспользоваться нынешней формулой ООН¹), — имеет два основных преимущества.

Во-первых, она легче применима к эмпирическому анализу войн, когда часто бывает нелегко провести грань между умышленными и неумышленными действиями властей или между формами удаления нежелательного населения, проводимого по приказанию властей или без их контроля. Эта более широкая дефиниция, вероятно, более подходит для исторических исследований. Она подразумевает, что непредумышленные последствия акций, совершенных грузинскими властями, которые инициировали военные операции в Абхазии в августе 1992 г., должны быть включены в анализ «сознательно вызванного удаления» некоторых категорий населения и политической ответственности за этническую чистку. Последствия всякой войны в значительной мере выходят из-под контроля тех, кто ее начинает. Этот аспект придает войне ее с виду «иррациональный» характер и делает акт начала войны (или гражданской войны) решением первостепенного морального значения. Это значит, что нужно оценивать ответственность обеих сторон в плане морального вопроса об этнической чистке грузинского населения. Здесь следует добавить, что признание совместной ответственности за этническую чистку грузинского населения не означает, что обе стороны несут за нее равную степень ответственности.

Второе преимущество этой широкой интерпретации определения этнической чистки заключается в том, что при оценке политической ответственности оно учитывает более длительный период времени, чем сравнительно короткий временной отрезок, в который гражданское население фактически покинуло свои дома. Согласно Меморандуму о понимании между сторонами от 1 декабря 1993 г., предполагалось возвращение всех беженцев, а также занятых домов и собственности². Термин «этническая чистка» вряд ли инкриминировался в вину абхазским политикам, если бы они добросовестно выполняли это решение, так как это указывало бы на то, что они приняли на себя ответственность за негативные

---

¹ Ibid. P. 185.

² См.: The United Nations and the Situation in Georgia. Reference Paper April 1995. United Nations. Department of Public Information.

последствия своих военных действий для гражданского населения, позволив ему вернуться. Помимо констатации неспособности обоих правительств прийти к институциональному компромиссу, можно дать непосредственную оценку намерениям абхазских властей после войны: их отказ начать диалог с представителями грузинского населения Абхазии, их политика запугивания грузинского населения Галского (Гальского) района в марте—начале апреля 1995 г.¹, прекращенная под сильным международным давлением, и организация парламентских выборов в 1996 г. — шаги, направленные на легитимацию внутри страны новых государственных структур, исключая довоенное грузинское население, — все это указывает на то, что абхазское правительство не имело желания преодолеть намеренные или ненамеренные последствия войны для гражданского населения.

Абхазские комментаторы, желая объяснить преступления, совершенные абхазами против грузинского гражданского населения, часто указывают на бытующую у абхазов традицию кровной мести. Большинство абхазских бойцов потеряло родственников и друзей — часто гражданских лиц — на ранних этапах войны. По абхазской традиции, все взрослые мужчины — члены семьи отвечают за действия одного лица и представляют собой объект для ответного убийства². Кровная месть, по-видимому, представляла собой важный мотив для отдельных абхазских солдат в их действиях против грузинских гражданских лиц во время войны. Пола Гарб сообщает: «Рассказывают об абхазских солдатах, которые немедленно после освобождения оккупированной территории совершали преступления против грузинских семей, подобные тем, которые были совершены грузинскими войсками против их собственных семей. Такое может случиться после любой войны, но в абхазской культуре это воспринимается сквозь призму правил кровной мести и поэтому с этим мирятся или, по крайней мере, не осуждают, а виновников, очевидно, не преследуют в судебном порядке». Нарушение законности и порядка, вызванное войной, видимо, усилило подобную практику в абхазском обществе.

На мой взгляд, при разработке различных мероприятий по осуществлению права на возвращение, мирное урегулирование между Грузией и Абхазией должно учитывать подобные обычаи кавказских народов с их культом воина, но не должно

---

¹ Report of the Secretary-General Concerning the Situation in Abkhazia, Georgia. Security Council Document S/1995/342/ 1 May 1995. P. 6

² См.: Garb Paula. The Return of Refugees Viewed through the Prism of Blood Revenge // *The Anthology of East Europe Review*. Vol. 13. No. 2. Autumn 1995. Эту работу можно прочесть в интернете: www.socsci.uci.edu/socsci/personnel/garb/garb.html.

руководствоваться ими, так как это означало бы, что в каждом цикле насилия преступления против гражданского населения оправдывались бы преступлениями, совершенными в предыдущем цикле. Женевские конвенции и содержащееся в них правило о разграничении между комбатантами и некомбатантами не предполагают недооценки специфических культурных понятий «мести» и «возмездия» при разработке всеобщих законов ведения войны; юристы, разрабатывавшие эти конвенции, очень хорошо осознавали живучесть своеобразных обычаев ведения войны в каждой культуре, но скорее основываются на представлении, что всеобщие законы, ограничивающие применение силы в вооруженных конфликтах, представляют собой единственную гарантию того, что мир между различными общинами когда-нибудь будет восстановлен. Осуждение и судебное преследование преступлений, совершенных в духе традиций кровной мести, является предпосылкой мирного урегулирования. Оно также является непременным условием внутренней стабильности и установления правопорядка. Опасение перед возможными актами мести, по-видимому, представляет собой главный фактор, мешающий более круто пресечь похищения в Чечне. 30 июня 1998 г. шариатский суд Чечни поставил кровную месть вне закона и ввел за ее проявления смертную казнь¹.

Отсутствие прогресса на мирных переговорах также нуждается в оценке в рамках данного анализа этнической чистки. Включение права на возвращение в Международный пакт о гражданских и политических правах ставит особую проблему, когда приходится применять его не к отдельным лицам, отстаивающим индивидуальное право, а непосредственно к значительным массам населения². Критерий политической осуществимости, как правило, является составным элементом реализации этого права. Неспособность обоих правительств найти институциональное решение по вопросу о политическом статусе грузин в Абхазии и самой Абхазии в общем государстве означает, что и здесь существует проблема совместной политической ответственности в деле преодоления этнической чистки.

Когда я обсуждал этот вопрос с абхазами и особенно с высокопоставленными официальными лицами в Абхазии, меня всегда поражало, что многие из них не имеют четкого представления о принципе разграничения между комбатантами и некомбатантами, в особенности когда речь идет о праве на возвращение. Существование этого принципа не отрицается, но понятие «непричастного некомбатанта» часто истолковывается как «моральная или политическая невиновность». Согласно принципу разграничения (*discrimination principle*) в этике войны, —

---

¹ См.: RFE/RL Newslines. Vol. 2. No. 125. Part I. 1 July 1998.

² О нижеследующем см.: Henckaerts. Op. cit. P. 183 ff.

принципу, воплощенному в Женевских конвенциях, — некомбатанты понимаются как «*non-nocentes*» (не наносящие вреда), как прямо или активно не участвующие в военных операциях. Это понятие «непричастности» нужно ясно отличать от «моральной невинности»¹. Непричастность не должна «характеризовать внутреннее моральное состояние агента». «Безвредный» не означает «безвинный»². Толкование термина «некомбатанты» с точки зрения принципа разграничения в форме моральной или политической невинности сделало бы всех граждан государства, ведущего, как считается, несправедливую войну, объектом нападений и привело бы к «тотальной войне», подрывающей все попытки разграничения и установления законов войны³. Отождествление «непричастных некомбатантов» с «безвинностью» или «моральной или политической невинностью» отбросило бы Абхазию к старой сталинской традиции «коллективной вины». Согласно Четвертой Женевской конвенции, — в которой устанавливаются права населения после войны, — даже те, кто подозревается в деятельности, враждебной интересам государства, имеют право на справедливый суд и гуманное обращение⁴.

Отношение абхазского правительства к праву грузинских беженцев на возвращение имеет кардинальное значение для оценки его способности защищать универсальные права человека. По словам де Зайаса, «неотъемлемое право человека на жизнь и право на свободу должно пониматься в конкретных условиях места и времени. Действительно, человек живет и наслаждается свободой когда-то и где-то, и это *где-то* — обычно страна, где он родился, женился и имел детей, (...) следует помнить, что человек — не предмет, который правительства могут произвольно передвигать по карте. Трансплантация народов, глубоко укоренившихся в почве и социальной среде одной страны, приносит с собой не только физический дискомфорт и экономические потери, но и морально-психологический шок, который может навсегда разрушить жизнь людей, неспособных приспособиться к новой и, возможно, негостеприимной среде».

В этом контексте следует добавить, что грузинское правительство придерживается принципа разграничения лишь в узких рамках постольку, поскольку это касается грузинского гражданского населения из Абхазии. В документе ООН, процитированном выше, имеются ссылки на многие злостные нарушения прав человека, совершенные грузинскими войсками во время войны 1992—1993 гг.

---

¹ Finnis John. The Ethics of War and Peace in the Catholic Natural Law Tradition. In: Nardin (ed.). Op. cit. P. 27; McMahan Jeff. Realism, Morality, and War. In: Ibid. P. 88.

² Coates. Op. cit. P. 235.

³ Ibid. P. 234.

⁴ См.: Henckaerts. Op. cit. P. 140 ff.

Эмбарго против Абхазии не затронуло поставку медицинских или иных базовых товаров в эту страну, которая получила помощь на сумму, равную, по оценкам, почти 17,5 млн. долл. США в 1997 г. и, как ожидается, получит значительно большую сумму в 1998 г. Это составляет больше международной гуманитарной помощи на душу населения, чем получила Грузия, но отсутствие экономического развития и достаточных средств для финансирования базовых социальных служб (таких, как образование) больно ударило по гражданскому населению. Нужно надеяться, что создание Координационного совета в ноябре 1997 г. и проведение курса на экономическое сотрудничество пошатнут конец этой политике нанесения ущерба гражданскому населению в целях склонить его представителей к компромиссу. Отмечалось, что образование этого Координационного совета знаменует собой поворотный пункт на переговорах. Это может оказаться правильным под углом зрения принципа разграничения, если стороны смогут наладить сотрудничество, направленное на повышение благосостояния населения, невзирая ни на какую борьбу за власть.

Расчет с прошлым (Г): индивидуальная ответственность

В процессе мирного урегулирования между грузинской и абхазской общинами необходимо будет найти политическое решение проблемы индивидуальной ответственности за военные преступления. Один из возможных вариантов — установить, что лишь общество, полностью примирившееся со своим прошлым, осудив виновников в злостных нарушениях прав человека, может утолить жажду справедливости жертв и их родных и дать населению достаточные гарантии безопасности того, что ничего подобного больше никогда не повторится. Если же виновники нарушений прав человека будут знать, что им ничего не угрожает за совершенные ими преступления, то в будущем нарушители спокойно совершат те же преступления или подчинятся властям, которые велют им сделать это. Уголовное преследование также поможет удержать некоторые жертвы или их родственников от попыток лично расквитаться с обидчиком в традициях кровной мести. Судебное преследование выполняет функцию нравственного воспитания, эффект от которого может оказать влияние на несколько поколений. Такая длительная перспектива важна в случае этнических конфликтов, поскольку вопиющие нарушения прав человека (такие, как этническая чистка) часто оправдываются преследованиями и зверствами прошлых лет. В культурах, испытавших воздействие жестоких

этнических конфликтов, существуют длительные циклы преследований (Long-term cycles of victimization), в которых совершение агрессии питается памятью о прежних преследованиях и в которых каждая община чувствует себя жертвой¹. Можно приводить доводы в пользу той точки зрения, что такие судебные преследования могут вновь разжечь этнические конфликты, даже если они осуществляются с соблюдением законности, в присутствии международных наблюдателей. Правда, разнообразный опыт в этой области, накопленный за последние десятилетия, показывает, что здесь нет однозначных решений. Нахождение политического решения, отвечающего чувству справедливости обеих сторон, является частью переговорного процесса.

Основную проблему таких переговоров, безусловно, представляет вопрос о политической ответственности за военные преступления и другие серьезные нарушения прав человека. С этим политическим выбором связана реальная дилемма: с политической точки зрения нет смысла вести переговоры, если обе стороны не желают строить общую структуру, в которой нашли бы свое место обе элиты. С моральной и политической точек зрения, однако, существует риск того, что достигнутое на переговорах урегулирование оставит лиц, политически ответственных за крупные преступления, безнаказанными и население поэтому не будет рассматривать мирное урегулирование как справедливое. Отсутствие легитимности в политических соглашениях может привести к тому, что и без того хрупкая конструкция рухнет окончательно.

Хотя политические лидеры обеих общин признают важность нахождения решения по данному вопросу, далеко не ясно, каким образом оба правительства хотят решить этот вопрос. Анализ примеров урегулирования, достигнутого в ходе переговоров в других странах, может оказаться полезным в этом отношении. Можно выделить четыре политические стратегии расчета с прошлым: 1) уголовное преследование индивидуальных виновников и политически ответственных лиц; 2) люстрация или дисквалификация лиц, несущих политическую ответственность за преступления, включая лишение политических и гражданских прав; 3) объявление безусловной амнистии; 4) создание комиссии по установлению истины (truth commission), призванной расследовать прошлые события во всей их полноте и сложности и официально признать совершенные несправедливости, но без права на судебное преследование и наказание («амнистия без амнезии»)². Возможно, грузины

---

¹ О нижеследующем см.: Crelinsten Ronald D. Prosecuting Gross Human Rights Violations from the Perspective of the Victim. In: Jongman (ed.). Op. cit. P. 175-185.

² Об этих четырех стратегиях см.: Huuse. Op. cit. P. 187—214.

и абхазы могут остановиться на пятой стратегии, если они решат, что образование общего государства в процессе мирного урегулирования потребует установления в Абхазии отличной от Грузии правовой системы, но нельзя просто отмахнуться от изучения проблем, связанных с предыдущими стратегиями, или последствий, с которыми будет связано их проведение в жизнь.

В рамках академического сотрудничества между учеными из Грузии и Абхазии главное внимание могло бы быть сосредоточено на том, как индивидуальная ответственность определялась в других странах, а также на упорядоченных правилах и процедурах, которые должны быть введены в действие в грузино-абхазском случае. То, что большинство участников событий с обеих сторон признают, что преступления совершались как грузинами, так и абхазами и что эти преступные деяния могут рассматриваться лишь в рамках упорядоченных процедур, по моему мнению, является неплохим предзнаменованием такого сотрудничества.

Одним из интереснейших примеров в указанном плане, вероятно, служит комиссия по установлению истины и примирения в ЮАР¹. Ее деятельность вписывается в рамки четвертой стратегии, описанной выше. Те, кто задумал создать эту комиссию, рассуждали, исходя из двух предпосылок. Во-первых, прошлая межэтническая рознь, если оставить ее неурегулированной, может породить новые конфликты в будущем. Во-вторых, было бы трудно наказывать исполнителей, не трогая тех, кто отдавал приказы. Учитывая переговорный характер перехода от правления белых к правлению большинства, было невозможно судить и наказать всех виновных. Комиссии, в состав которой входили и черные, и белые, сначала надо было установить правду об ужасах, совершенных при режиме апартеида, затем дать компенсацию жертвам и, наконец, — и это явилось самым противоречивым аспектом в глазах общественности — помиловать виновных ради достижения национального примирения. Этот подход к прошлым несправедливостям дает возможность ясно и официально признать их и поставить виновных — даже на высшем уровне государственной иерархии — лицом к лицу с деяниями и жертвами. Критическая саморефлексия выдвигается как предварительное условие для примирения.

Расчет с прошлым (II): ответственность государств

Убийства, изнасилования, грабежи и другие действия, в которых обвинялись грузинские и абхазские подразделения и которые нарушают законы, права и

обязанности войны, кодифицированные в Женевских конвенциях, налагают политические обязательства на грузинские и абхазские власти. Отсутствие правительственного контроля над действиями грузинских или абхазских войск является важным фактором при оценке индивидуальной ответственности, но не снимает ответственности с обеих сторон. Сожжение абхазского Государственного архива в Сухуме (Сухуми), например, есть преступление, за которое несет ответственность грузинское государство и которое подлежит компенсации с его стороны.

Послевоенные германские руководители не отказались принять на себя тяжкое бремя признания ответственности своего государства за последствия преступлений, совершенных при нацистском режиме во имя германского рейха. Это никак не подразумевало личной ответственности этих германских руководителей или их личной причастности к нацистским преступлениям. Западная Германия заняла эту позицию сразу после войны, а коммунистический режим в ГДР рассмотрел вопрос о выплате компенсаций Израилю в конце 80-х годов XX в., незадолго до своего падения (несмотря на то, что Эрих Хонеккер и другие коммунистические лидеры сами были жертвами нацистских репрессий). Канцлер ФРГ Вилли Брандт, сам участник Сопротивления нацистскому режиму, всегда занимал недвусмысленную позицию по вопросу об ответственности германского государства. Эта позиция имела решающее значение для примирения между Германией и Польшей в 70-е годы и облегчила признание германского государства со стороны международного сообщества, которое пришло к заключению, что это «другая Германия». Напротив, Япония всегда с величайшим трудом признавала свою полную ответственность за деяния своей армии на оккупированной территории, и это остается камнем преткновения в ее отношениях с Китаем и Кореей. Над турецко-армянскими отношениями до сих пор довлеет вопрос об ответственности турецкого государства за геноцид армян, совершенный в начале нынешнего столетия. Франция лишь совсем недавно (после смерти президента Миттерана) пересмотрела свое отношение к вопросу о том, несет ли французское государство ответственность за действия коллаборационистского вишистского режима по депортации евреев из Франции. В ходе визита в Африку в 1998 г. Билл Клинтон принес извинения за участие Америки в работорговле. После победы лейбористов на последних выборах в Великобритании премьер-министр Тони Блэр выразил сожаление ирландцам за «картофельный голод», но отсутствие извинений за бойню в Амритсаре все еще отравляет отношения между Великобританией и

---

¹ О нижеследующем см.: The Economist. 1 November 1997.

Индией¹.

Вопрос о том, как правительство должно подходить к проблеме ответственности государства, носит нормативный характер и может быть решен только внутри страны. В случае Германии и Великобритании решение, видимо, было основано на сознательном стремлении способствовать примирению после былых конфликтов. Япония долго отказывалась от этого и с колебаниями начала предпринимать аналогичные шаги лишь несколько лет назад. Вопрос о том, готова ли Грузия признать свою ответственность, остается открытым. В последние годы грузинская сторона призывала к созданию международного уголовного суда для рассмотрения так называемых «особо опасных» преступлений, таких, как геноцид, создающих угрозу для международного сообщества², но это делалось ради усиления международного давления на абхазское правительство. Грузинская делегация на Женевских переговорах 15—18 ноября 1994 г. в меморандуме по итогам переговоров все же признала частичную ответственность Грузии за войну (но не за ее развязывание). Как говорится в меморандуме, «ошибки со стороны военного руководства Республики Грузия дали сепаратистам возможность развязать вооруженный конфликт с участием тысяч наемников с Северного Кавказа и других частей России и с применением новейшей военной техники. Правильную оценку войны еще предстоит сделать, но вопрос об ответственности уже стоит на повестке дня в Грузии. К сожалению, подобные шаги не предпринимаются абхазской стороной»³. Эдуард Шеварднадзе также заявлял, что его предшественник, Звиад Гамсахурдиа, допустил серьезные ошибки в своей политике по отношению к Южной Осетии. Подобную самокритику в отношении его собственной политики в Абхазии, вероятно, высказать труднее, особенно при нынешних обстоятельствах. Конечно, грузинам крайне трудно признать свою ответственность прежде, чем абхазское правительство попытается предоставить компенсацию за этническую чистку, но взаимных шагов в этом направлении в рамках мирных переговоров не следует исключать. Они также могли бы быть частью программы по укреплению доверия. Высказывались предложения о создании совместной грузино-абхазской программы на уровне неправительственных организаций по восстановлению Государственного архива Сухума (Сухуми) путем предоставления микрофильмов из грузинских архивов и оказания другой практической помощи.

В данной работе мы не стали рассматривать — действительно

---

¹ См.: The Independent. 24 May 1998.

² См.: United Nations Security Council. 3535th Meeting. 12 May 1995. UN Document S/PV.3535.

³ См.: UN Document S/1994/1333 (23 November 1994).

значительную — моральную ответственность международного сообщества в этом конфликте¹. В заключение я лишь отмечу, что позиция западных и российского правительств не всегда помогает усилиям Грузии и Абхазии примириться со своим прошлым. Резолюции Совета Безопасности ООН и дискуссии в нем касаются исключительно ответственности абхазского правительства за тупик на переговорах и за невозможность для грузинских беженцев вернуться в свои дома. Как может явствовать из статей настоящего сборника и вопреки практике Совета Безопасности ООН, ответственность за войну и отсутствие прогресса на переговорах не должны возлагаться только на одну из сторон.

---

¹ По данному вопросу см. мою статью: Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / Общ. ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 181—206.